

УДК 316.811

UDC 316.811

СИСТЕМА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ СЕМЬИ**SYSTEM OF TRADITIONAL VALUES OF THE NORTH CAUCASIAN FAMILY**

Шаваева Ольга Александровна
соискат. кафедры философии
*Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия*

Shavaeva Olga Aleksandrovna,
competitor of the Philosophy chair
*Kabardino – Balkarian state university named after
Kh.M.Berbekov, Nalchik, Russia*

Осуществлен анализ традиционных северокавказских семейных ценностей, показано их значение в сохранении стабильности общества

In the article we have done the analysis of the traditional system of the North Caucasian family values; we have also shown their significance in preserving the stability of the society

Ключевые слова: СЕВЕРОКАВКАЗСКИЙ СЕМЕЙНЫЙ КОДЕКС, УВАЖЕНИЕ СТАРШИХ, ЖЕНЩИН, ЦЕННОСТЬ МНОГОДЕТНОСТИ

Keywords: NORTH CAUCASIAN FAMILY CODE, RESPECT FOR ADULTS AND WOMEN, VALUE OF THE FAMILY OF MANY CHILDREN

Семейно-родственные отношения на Северном Кавказе формировались и поддерживались целой системой культурных норм, установок, ценностей, имевших гуманистическую направленность. Семейные традиции способствовали передаче культурного опыта из поколения в поколение. В традиционной семье главным регулятором отношений были обычаи и традиции. Был сформирован особый северокавказский семейный кодекс, следование которому обеспечивало стабильность общества. В настоящее время, когда везде, на Северном Кавказе в том числе, наблюдается кризис семьи, ее ценностей особо актуально обращение к изучению традиционных семейных ценностей.

Для поддержания порядка и хороших в традиционной северокавказской семье взаимоотношений между членами семьи устанавливалась система иерархических правил поведения. Характеризуя эту систему норм, Я. С. Смирнова писала, что в традиционной северокавказской семье «господствовал патриархальный порядок подчинения женщины мужчине, детей родителям, младших старшим» [11, 186]. В то же время патриархальная власть старших мужчин не могла низвести статус женщины и младших до уровня, угрожающего дальнейшему прогрессивному развитию семьи и общества. Характеризуя

взаимоотношения супругов в Черкесии, Хан-Гирей писал: «Все те, которые судят о домашнем быте черкесов по образу жизни прочих азиатских народов, исповедывающих магометанскую веру, о том имеют ложное понятие. Рыцарское честолюбие много прекрасного ввело в их обычай. К числу прекрасных черт можно отнести и величайшее уважение к женщинам, которого прекрасный, на слабый пол достоин вполне» [13, 292].

И. Бларамберг в своих исследованиях в начале XIX века уделил много внимания влиянию женщин в черкесском обществе. Бларамберг отмечал: «Черкесские женщины не только пользуются репутацией изумительно красивых и образцово преданных, они пользуются также важной привилегией, которая вытекает из морального кодекса этого народа: мы хотим сказать об уважении и даже почитании, которое черкесы испытывают по отношению к праву защиты и посредничества, принадлежащему женщинам» [3, 165].

Ингушский просветитель Ч. Э. Ахриев писал, что женщина у всех магометан находится в положении, неизмеримо худшем, чем у народов европейских. Он пишет: «На этом основании можно бы предположить, что в быту мусульман женщина не имеет никакого влияния. Но многочисленные примеры показывают нам, что никакая угнетенность женщины никогда не может уничтожить вполне ее влияния, прямого или косвенного, на окружающую ее жизнь» [1, 177].

А. У. Мальсагов пишет: «Определяющее влияние на формирование семейно-брачных отношений ингушей оказало длительное существование (до первой четверти XX в.) больших патриархальных семей. Особое место в семье занимали глава семьи и хозяйка дома. Она участвовала в семейных советах, распорядилась на свадьбах и празднествах» [7, 28]. В ингушской семье воспитывалось уважительное отношение к женщине. Как одно из самых тяжких преступлений воспринималось оскорбление женщины кем-либо из членов ее семьи. На женщину не распространялась кровная месть.

Характеризуя традиционное чеченское общество, Тотоев Ф. В. отмечает: «Хотя обычаи и семейные отношения в Чечне пронизывались идеей верховенства мужчины, сохранялись и отголоски некогда господствовавших отношений матриархата» [12, 181].

В отношении к женщине в осетинском обществе господствовали патриархальные устои, когда мужчина большую часть жизни проводил в войнах и походах и не мог выстроить свои отношения с женой, как с другом жизни. Социально-экономические перемены, произошедшие в жизни осетин во второй половине XIX века, изменили образ жизни осетина – он стал больше внимания уделять хозяйственной деятельности, что изменило его отношение к жене. Чибириков пишет: «Отношение к женщине было весьма противоречиво. Женщина пользовалась большим уважением в обществе, но в то же время была бесправна в семье, даже по отношению к собственным детям. Мужчина относился к ней, как к существу более низкому, основная тяжесть домашних работ приходилась на нее» [15, 606].

Русский академик Г.-Ю. Клапрот, путешествовавший по Кавказу в 1897-1808 годах, подробно описывал карачаевскую семью, взаимоотношения между мужем и женой, воспитание детей. Он писал: «Обычно они берут лишь одну жену, некоторые, однако, имеют двух или трех, с которыми они живут очень мирно и с которыми, в противоположность другим горским народам, они обращаются очень человечно и внимательно, так что жена у них, как и у европейцев, подруга, а не служанка своего мужа» [5, 246].

Таким образом, в традиционном северокавказском обществе почитание женщины было одним из принципов этикета.

Еще одной важной ценностью было почитание старших, родителей. О том, что в осетинской семье культивировалось почитание предков и старших писали исследователи XIX века. Н. Дубровин писал: «Основой семейного быта осетин служит уважение к старикам и вообще людям

пожилых лет. Уважение это простирается до того, что каждый считает неременною обязанностью вставать при входе старшего и приветствовать его, хотя бы он был и низшего происхождения. Учтивость эта никогда не нарушается, соблюдается в семействе с особою строгостью» [10, 337]. Аналогично описывает ситуацию Е. Марков: «Старшинство вообще в огромном почете у осетин. Младший брат во всем слушается старшего, служит ему, не садится при нем. Полковники, заслуженные офицеры из осетин, встают со своего места и уступают его, когда в дом войдет старший, хотя бы простой пастух» [10, 169]. С. Фарворский в начале XX века отмечал, что осетины демократичны по своей натуре. Он полагал, что осетины самый этикетный народ, как китайцы, которых они даже превосходят в почтительном отношении к старшим [10, 12].

В ингушской семье также традиционно воспитывалось уважительное отношение к родителям и старшим. Неуважительное отношение к родителям и к старшим расценивалось, как порок. В то же время традиция предполагала внимательное отношение старших к нуждам младших членов семьи и к их мнению. Горцы Дагестана тоже воспитывали детей в беспрекословном послушании и уважении к старшим.

И. Бларамберг подчеркивал, что твердо установленный порядок в доме выполняет у черкесов роль отсутствующих законов, как это обычно имеет место у нецивилизованных народов. Он писал: «Слепое подчинение родителям и глубокое уважение к старшим по возрасту соблюдается у этих народов самым скрупулезным образом» [3, 28].

Согласно Хан-Гирею, в черкесских семьях соблюдение вежливости в обращениях есть обязанность: «Благонравие в домашнем быту у полудиких народов имеет много прекрасного: соблюдение вежливости в обращении есть неременная обязанность каждого черкеса. Не только князья и дворяне, которые по своей строгости подчинены закону благопристойности, но даже и простой народ между собою следует этому

прекрасному правилу, облагораживающему человека» [13, 294]. Дети должны быть родителям покорны и послушны, сопротивление воле родителей рассматривалось как тяжкий грех. Строго исполняя законы вежливости, сын в присутствии посторонних лиц не должен вступать в разговоры с отцом, на вопросы должен отвечать тихо, кратко и ясно, не может сесть перед ним без его воли. Младшие братья относятся к старшим как к отцу.

В традиционном северокавказском обществе культивировалась ценность многодетности. В дагестанской семье одним из больших и радостных событий всегда являлось рождение ребенка. Многодетность рассматривалась как признак семейного благополучия. Пожелания быть счастливой многодетной матерью высказывались уже невесте. В благопожеланиях чаще всего говорилось о семи сыновьях и одной дочери. На обеспечение многодетности был направлен и ряд обрядов, магических приемов. Особенно торжественно отмечалось рождение мальчиков. Гаджиева С. Ш. характеризуя семью и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX века, пишет: «У аварцев был обычай, по которому отцу, произведшему семь сыновей, дается как бы в награду особенный участок земли. Таким образом, многодетность иногда обеспечивалась и экономически» [4, 272]. Напротив, бездетность рассматривалась как большое несчастье.

Таким образом, можно говорить о большом значении, которое придавалось рождению и воспитанию ребенка в дагестанской семье.

Женитьбе отводилась большая роль в древней Черкесии. Важнейшим обстоятельством женитьбы было то, что брак должен был учреждаться по обычаям, по равенству родов. Князья брали жен только княжеских родов и отдавали дочерей лишь за княжеских сыновей. Брак заключался в расчете на большое количество детей и продолжение рода. Полагалось необходимым иметь в семье трех детей. Жена после рождения

третьего ребенка становилась полноценной хозяйкой дома. Б. Х. Бгажноков по этому поводу пишет: «В качестве идеального количества детей от одного брака называют семь или девять. В их числе должно быть непременно не менее двух сыновей. Наличие только одного сына воспринимается как нежелательная тенденция к сужению патрилинейности» [2, 28].

Европейские путешественники, наблюдая взаимоотношения родителей и детей, иногда приходили к выводу, что адыги не испытывают особой любви к своим детям на основании того, что отец и мать не демонстрируют свою привязанность к ним. Табу де Мариньи в 1818 году писал: «Создается такое впечатление, что черкесы избегают всего того, что напоминает об их привязанности и удовольствиях ... у них считается даже неучтивым говорить о детях, особенно маленьких» [8, 314]. В действительности, родители относились к своим детям с большой чуткостью, вниманием, любовью. Была выработана целая система народной педагогики и воспитания детей. Недопустимы были рукоприкладство, ругательства по отношению к ребенку. Ни в коем случае нельзя было унижать достоинство ребенка, особенно при посторонних. Это считалось нарушением правил приличия. Б. Х. Бгажноков отмечает: «Народная педагогика адыгов отдает полное предпочтение мягким наказаниям, использующим внушение, анализ и разъяснение причин и этической неполноценности поступка. Кроме того, опасаясь отбить у детей охоту к тому или иному полезному труду, взрослые тактично воздерживались от наказаний за плохо выполненную работу, гораздо чаще наказывали за плохое поведение» [2, 72].

В древнем адыгском обществе родители связывали с детьми свое будущее. В том случае если семье грозила бездетность, семья брала на воспитание сирот из числа родственников мужа или ребенка из многодетной семьи, что считалось богоугодным делом. Люди верили, в то,

что если бездетная женщина воспитает чужого ребенка, то у нее появятся собственные дети. Таким образом, можно сказать, что у древних адыгов существовал культ детей и детства. Почитание детей было необходимым дополнением к почитанию старших. Бгажноков указывает, что в основе принципа почитания детей было множество фактов, отношений, установок. В традиционном обществе сформировалось убеждение в том, что важно заслужить любовь, привязанность ребенка. Было распространено в обществе мнение, что радость, доставляемая взрослым детям, засчитывается взрослым как отпущение грехов.

Одной из форм социализации в древнем черкесском обществе было аталычество. Хан-Гирей отмечал, что не видно в Черкесии примера, чтобы дети человека значительного воспитывались в родительском доме, под присмотром родителей. При рождении младенца его немедленно отдают на воспитание в чужие руки. Аталычество имело значение для сурового спартанского воспитания, для укрепления связей между семьями воспитанника и между соседними народами, в общественной и политической жизни княжеско-дворянских сословий. Но у этого явления были и отрицательные стороны. Об этом писал Хан-Гирей.: «унесенный под чужой кров младенец, не умеющий еще различать предметы, прийдя в юношеские лета, лишь по слуху узнает своих родителей, братьев и сестер, к которым, естественным образом, не всегда может питать нежную любовь. Вот источник вражды, раздирающий семейства высшего класса в Черкесии, и вот начало междоусобий, поглощающих счастье тысяч в этом крае семейств!» [13, 278] Согласно Хан-Гирею, аталычество присуще было только высшему классу, между простыми людьми домашнее воспитание почиталось приличным.

Причиной введения подобного рода воспитания было следующее. Князья издавна для увеличения своей силы искали все возможные средства, чтобы привязать к себе дворян, последние для постоянной

защиты и помощи желали более сблизиться с князьями. Воспитатель назывался аталык. Хан-Гирей описывал задачи аталыка: «Воспитатель, или аталык, прилагает свои попечения о том, чтобы его воспитанник был ловок, учтив в обхождении с старшими, а с младшими – соблюдал приличие своего звания, равно как неутомим в верховой езде и искусен в употреблении оружия» [13, 279].

Леонтович Ф. И. также уделил много внимания институту аталычества у черкесов. Он писал: «Воинственный черкес, избегая всего того, что могло бы изнежить его душу, не воспитывает своих детей у себя дома, а отдает их на воспитание своим ближайшим друзьям» [6, 141]. Аталык обязан вскормить ребенка, выучить его наездничеству, стрельбе в цель, безропотному перенесению голода, труда и опасностей. Также аталык должен ознакомить своего воспитанника с верой и народными обычаями. Окончив воспитание молодого князя, аталык обязан вооружить его, одеть, подарить ему коня и привести в отцовский дом. С этого времени заканчиваются обязанности аталыка, но воспитанник так привязывался к аталыку, что любил его больше своего отца. Связь по аталычеству почиталась у черкесов как священная. Леонтович объяснял значимость аталычества следующим образом. Черкесское общество, не имея государственного устройства, раздираемое непрерывными войнами, враждой княжеских домов и кровомщением, находило в аталычестве средство дать каждому семейству опору, связи и обширное родство. Аталычество тесно связывало семейства и роды между собой. Девочек высшего сословия также воспитывали вне своего дома. Леонтович писал: «Черкесская княжна или дворянка отдается в аталыки, где остается до 12 или 13 лет, а иногда и до замужества. Обыкновенно княжна отдается на воспитание жене богатого дворянина. Аталычка учит девочку женским работам, объясняет ей будущее ее положение и обязанности» [6, 148].

Таким образом, одной из форм социализации в традиционном черкесском обществе было аталычество.

Леонтович также подчеркивал важность института усыновления. Он писал: «Кроме аталычества, связывающего семейства воспитателя и воспитанника, есть еще другого рода связь, не менее священная, – усыновление. Лицо чужого народа или чужого общества, переселившись в один из черкесских народов и желая остаться там навсегда, желает быть усыновленным одним из семейств того аула, в котором поселилось. Усыновление... считается священной связью и налагает на приемыша те же обязанности, какие имеет сын к отцу» [6, 142].

Особую ценность в традиционном северокавказском обществе имел обычай гостеприимства. Например, в ингушской семье гостем мог быть любой человек. Вне зависимости от национальности и вероисповедания, ему предоставляли в любом ингушском доме пищу и ночлег. Ингушская хозяйка всегда держала в запасе необходимое количество продуктов, предназначенных гостю. Хозяин нес полную ответственность за его жизнь и безопасность. Нарушение обычая гостеприимства влекло за собой суровое порицание и расценивалось обществом, как преступный акт.

В осетинской семье с раннего детства детей приучали к гостеприимству. К. Кох, наблюдавший этикет осетин, писал: «Так широко распространено осетинское гостеприимство, что они сами защищают врага, переступившего порог их дома. Того, кто к ним приходит, они охотно принимают и не только кормят и поят, но и предоставляют ему ту же защиту, какой пользуется каждый член семьи. Наравне с уважением стариков и кровной мезтью ... у осетин в значительной степени развито чувство гостеприимства, в чем они превосходят даже черкесов. Человек, принятый в семью, рассматривается этой последней как ее член, и, как таковой, попадает под ее защиту до тех пор, пока он остается достойным этой защиты; осетины считают его выше членов собственной семьи; он в

полном смысле является ее хозяином» [10, 261]. Таким же образом описывал феномен гостеприимства еще раньше Л. Штедер: «Гостя осетин защищает как самого себя и погибает скорее сам, чем уступит врагу его тело; он берет на себя кровную месть за него... Гостя они принимают со следующими словами: «Мой дом – твой дом; я и все мое – твое». С тем, кто находится под их защитой, они обращаются как с родственником и не отдают беглецов» [10, 38].

Согласно Бларамбергу, так же как и у всех горских народностей, гостеприимство является одной из первых добродетелей черкесов. По его наблюдениям, черкесы принимают от доброго сердца иностранцев, сердечно предоставляют приют всем путешественникам, сердечно предоставляют приют всем путешественникам. Леонтович перечислял адаты черкесов, среди которых было гостеприимство, к которому приучали с детства: «Гостеприимство у черкесов считается первейшей добродетелью, и гость у них, кто бы он ни был, есть особа неприкосновенная, а если кто-либо из сторонних дерзнет причинить ему обиду, то хозяин принимает ее более себе за обиду, нежели бы нанесена была ему прямо, и обязан доставить ему удовлетворение с обидевшего непременно, хотя бы это стоило крови» [6, 106].

В иерархии ценностей северокавказской семьи важное место занимало создание нормальных материальных и бытовых условий жизнедеятельности для членов семьи. Одна из характерных черт традиционного адыгского быта – чистота. Б. Х. Бгажноков пишет: «Одной из самых главных обязанностей хозяйки было содержание дома в идеальной чистоте и порядке. Она отвечала также за чистоту и опрятность мужа и детей. В зависимости от этого оценивали социальное качество каждой женщины. Если жена не справлялась с обязанностями по уходу за мужем и детьми, то все ее осуждали» [2, 77]. Обязательным требованием гигиены у черкесов являлось омовение ног и чистка одежды гостя.

В северокавказской семье прививалось детям с детства ценность общественного призвания – трудолюбие. Кабардинский просветитель Ш. Ногмов отмечал, что адыхе издревле занимались хлебопашеством и сеяли ячмень, кукурузу, огородные овощи, имели хорошее пчеловодство, конские табуны, рогатый скот, коз и овец, но особенное внимание было обращено на разведение лошадей. В древнем обществе большое значение имели не только традиционные ценности любви к семье, родственникам, но и высоко ценилась ценность милосердия к неимущим, больным, старикам. В Народном условии, сделанном 10 июля 1807 года, указывалось: «Кто имеет пчел, сеет просо, водит баранов и рогатый скот, тот обязан отделять ежегодно из меду и проса 10-ю часть, из баранов 40-ю, из рогатого скота 30-ю, из товаров и из денег 40-е же части, которые по получении эфенди делят по частям: одну себе, другую мулле, третью бедным, все по равной части...» [9, 142].

Благодаря упорному труду многих поколений в Черкесии был создан высокий уровень земледелия, ухоженный агрикультурный ландшафт, что высоко оценивали европейские путешественники. Например, английский путешественник Э. Спенсер следующим образом описывал свои впечатления: «С первого момента, когда открылись передо мною черкесские долины, вид страны и населения превзошел самое пылкое мое воображение. Вместо пустыни, населенной дикарями, я нашел непрерывный ряд обработанных холмов, почти ни одного клочка земли некультивированного, огромные стада коз, овец, лошадей и быков бродили в разных направлениях по колена в траве» [14, 61].

Таким образом, в традиционном северокавказском обществе был сформирован особый семейный кодекс, в котором играли существенную роль играли семейные ценности родительства, почитания старших, женщин, многодетности, уважения достоинства детей. Соблюдение этих

ценностей способствовало стабильности общества, в котором практически не было разводов, сирот.

Литература

1. Ахриев Ч. Э. Избранное. Назрань. 2000. 214 с.
2. Бгажноков Б. Х. Социальная организация семьи. Нальчик. 2010. 160 с.
3. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик: «ЭЛЬ-ФА». 1999. 152-184 с.
4. Гаджиева С. Ш. Семья и брак народов Дагестана в XIX – начале XX века. М.: Наука. 1985. 347 с.
5. Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу т Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVIII-XIX веков. Нальчик: «Эльбрус». 1974. 240-274 с.
6. Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Нальчик: «ЭЛЬ-ФА». 2002. 263 с.
7. Мальсагов А. У. Ингуши. История и века родословий. Нальчик. Изд-во «ЭЛЬ-ФА». 2003. 274 с.
8. Мариньи Т. Путешествие в Черкесию. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVIII-XIX веков. Нальчик: «Эльбрус». 1974. 305-342 с.
9. Ногмов Ш. Б. История Адыгейского народа. Нальчик: «Эльбрус». 1982. 195 с.
10. Осетия и осетины. Владикавказ-Санкт-Петербург. 1994. 394 с.
11. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт // Культура и быт народов Северного Кавказа. М. Наука. 1968. 376 с.
12. Тотоев Ф. В. Общественный строй Чечни: вторая половина XVIII и 40-е годы XIX века. Нальчик: Республиканский полиграфический комбинат им. Революции 1905 года. 2009. 217 с.
13. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: «Эльбрус». 1978. 375 с.
14. Хотко С. Цивилизация Кабарды. Изд-во С.-Петербургского университета. 2008. 284 с.
15. Чибиров Л. А. Традиционная культура осетин. М.: РОСПЭН. 2008. 179 с.

References

1. Ahriev Ch. Je. Izbrannoe. Nazran'. 2000. 214 s.
2. Bgazhnokov B. H. Social'naja organizacija sem'i. Nal'chik. 2010. 160 s.
3. Blaramberg I. Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, jetnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza. Nal'chik: «JeL"-FA». 1999. 152-184 s.
4. Gadzhieva S. Sh. Sem'ja i brak narodov Dagestana v XIX – nachale XX veka. M.: Nauka. 1985. 347 s.
5. Klaprot G.-Ju. Puteshestvie po Kavkazu t Gruzii, predprinjatoe v 1807-1808 gg. // Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XVIII-XIX vekov. Nal'chik: «Jel'brus». 1974. 240-274 s.
6. Leontovich F. I. Adaty kavkazskih gorcev. Nal'chik: «JeL"-FA». 2002. 263 s.
7. Mal'sagov A. U. Ingushi. Istorija i veka rodoslovij. Nal'chik. Izd-vo «JeL"-FA». 2003. 274 s.
8. Marin'i T. Puteshestvie v Cherkesiju. // Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskih avtorov XVIII-XIX vekov. Nal'chik: «Jel'brus». 1974. 305-342 s.
9. Nogmov Sh. B. Istorija Adyhejskogo naroda. Nal'chik: «Jel'brus». 1982. 195 s.

10. Osetija i osetiny. Vladikavkaz-Sankt-Peterburg. 1994. 394 s.
11. Smirnova Ja. S. Sem'ja i semejnyj byt // Kul'tura i byt narodov Severnogo Kavkaza. M. Nauka. 1968. 376 s.
12. Totoev F. V. Obshhestvennyj stroj Chechni: vtoraja polovina XVIII i 40-e gody XIX veka. Nal'chik: Respublikanskij poligraficheskij kombinat im. Revoljucii 1905 goda. 2009. 217 s.
13. Han-Girej. Zapiski o Cherkesii. Nal'chik: «Jel'brus». 1978. 375 s.
14. Hotko S. Civilizacija Kabardy. Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta. 2008. 284 s.
15. Chibirov L. A. Tradicionnaja kul'tura osetin. M.: RO SPJeN. 2008. 179 s.